

Красная
Пресня, давно
уже ставшая
центром
Москвы,
Малая
Грузинская
улица,
маленькая же
квартирка
в типовой
после-
хрущевской
«свечке».
Книг столько,
что хозяину
должен быть
наверняка
«невыгоден»
известный
закон
Ньютона: их
нельзя
разместить на
последнем
времени
читателями
люди знали,
что Лев
Эммануилович
Разгон пишет
книги для
детей
и юношества.
Но вот
в 1988 году —
начале 1989-го
журнал
«Юность»
опубликовал
повесть Льва
Разгона
«Непридуманное»
— о годах,
проведенных
автором за
колючей
проволокой
в сталинском
лагере. Можно
ли назвать
«Непридуманное»
книгой для
взрослых?

Сергей ТИХОНОВ —
обозреватель
редакции.
Выпускник
Минского
государственного
университета.
В «Комсомольском
знамени»
с 1987 года.

— Киев —
Киев. Знамя — 1990 — 1 янв. — с. 8-9

«Комсомольское Знамя» — одна из
первых газет, начавших издаться
после распада СССР. И в р-не
страниц этой газеты процесс
мысли о великой стране
происходит в нашей газете
еще на этой земле. Вот что
скажут о ней люди.

30. XI. 1989

— Лев Эммануилович, как писалось
«Непридуманное», как оно не приду-
мывалось?

— Я начал работать над «Неприду-
манным» лет двадцать назад. Никогда не
рассчитывал, что из этого выйдет книга
в прямом смысле, что я ее увижу, буду
держать в руках. Просто решил в сво-
бодное время записывать то, что, как
я считал, кроме меня уже никто и не
вспомнит. Я полагал, что мои близкие,
родные должны иметь возможность про-
честь обо всем этом. Никакого сюжета
в этих записках нет и не предполагал-
ось. Единственный в ней сюжет — это
моя собственная жизнь.

Иногда меня спрашивают: не было ли
мне трудно ворошить прошлое? Я ведь
писал о вещах ужасных, происшедших
не с кем-то, а со мной и с моими
близкими. И поэтому те, кто меня спра-
шивал, бывали очень удивлены, когда
я отвечал им: «Нет, когда писал, то
наоборот — чувствовал себя счастли-
вым». Счастливым, потому что писал это
совершенно свободный человек, без
всякой оглядки на редактора просто и
редактора внутреннего и даже на того,
кто сидит над всеми редакторами и цен-
зорами. И я понял, за всю свою долгую
литературную жизнь я впервые почув-
ствовал, какое это счастье — писать
свободно!

— Вы писали эту книгу двадцать лет.
Писали, естественно, мало кого посвя-
щая в свои планы. А в это время ваши
«солагерники» тоже писали о том, что
пережили, что открылось им там — за
колючей проволокой, в барак. Солжени-
цын, Гинзбург, Шаламов, Домбровский.
И потом эти книги передавались для
публикации за рубеж, выходили в
нашем уникальном «достоинстве» иссле-
дований серьезных историков — «Самиз-
дате». Некоторые из этих авторов снова
вступили в круг травли и преследова-
ний или обречены властями на по-
жизненное существование вне офици-
альной литературы. Скажите, Лев Эм-
мануилович, не появилась ли у вас
мысль отправить «Непридуманное» по
маршруту «Крутого маршрута», «Архи-
пелага ГУЛАГа»?

— Нет. Я не считал, что написал не-
что столь значительное, нуждающееся в
отправке прежде всего на Запад.

— Вы и сейчас так считаете?
— Да, я и теперь так считаю. Книга
моя переведена на несколько языков,
издается в разных странах и, конечно,
вызывает там интерес, вернее, не мо-
жет его не вызвать. Но писал я не для
этого. Я писал, исполняя долг перед
теми, кто уже ничего не может ни
сказать, ни написать.

Не сделал я этого и потому, что, го-
воря откровенно, считал себя не вправе
подвергать своих близких, согласитесь,
вполне реальной опасности. Сам я, как
вы понимаете, не рассчитывал увидеть
свою книгу. А перед ними были бы за-
крыты все двери, им, возможно, при-
шлось бы пережить и горечь изгнания,
и что его знает, что еще.

— Но каково ваше отношение к пу-
бликовавшимся на Западе в годы нашей
стагнации работам, к тому же «Архи-
пелагу ГУЛАГа»?

— Я считаю, что Александр Исаевич
Солженицын совершил гражданский подвиг.
Этим все сказано. Хотя я и не
во всем согласен с «Архипелагом...»
Не могу, к примеру, согласиться с оцен-
кой «придурков» — заключенных, ра-

ботавших на относительно легких рабо-
тах. Некоторым из них много обяза-
ны жизнью: за закрытые барьеры, за ос-
вобождение от работ под предлогом
болезни. Кстати, и сам Солженицын был
«придурком» — работал в инженерной
«шарашке».

— Сталинизм вычеркнул из вашей
жизни семнадцать лет. Сейчас-то и сро-
ков таких нет. Чем вы жили все эти го-
ды? Что питало надежду? Как это все
отразилось в вашей книге?

— Не согласен с Варлаамом Шаламовым
в том, что эти годы не могут ничему
научить. Про себя говорю, что те сем-
надцать лет были самыми важными в
моей жизни, несмотря на все мои по-
тери.

Вот почему себя я поставил в жест-
кие условия: ни одной придуманной да-
ты, фамилии, ни одного «приблизитель-
ного» географического названия. Ведь
«Непридуманное» — не название, а
сущность, это принцип письма. Там есть
неточности, но они вызваны тем, что
мне приходилось передавать и расска-
зы людей, которые могли ошибиться —
и случайно, и намеренно. Сейчас, кста-
ти, я стал получать много писем с по-
правками.

— И, возможно, вам пишут те, о ком
вы рассказали, если им удалось уце-
леть? Или их родственники. Из разго-
вора с одним из друзей мне известно,
например, что по крайней мере еще
лет десять назад в Москве жил чело-
век, которого вполне можно было бы
принять за афганского принца, героя
главы «Привет».

— Скажу больше: он выжил, вышел,
женится... Мне звонил его дочка. Это
была еще длинная, интересная жизнь,
о ней можно было бы целый роман на-
писать. Но, повторю, это не входило в
мои литературные задачи.

— Вы попали в лагерь коммунистом.
С какими стажем?

— Я поступил в партию в 30-м году
и восстановился в 55-м, еще до XX
съезда.

— Многие из уцелевших в лагерях
коммунистов считали (кое-кто остается
при этом мнении и поныне), что они
пали жертвой ошибок...

— Нет, я так не считаю. В этом безу-
словно была закономерность, и я ждал
ареста. Я знал, что выйду на волю
только в том случае, если переживу
Сталина.

Затем, начались светлые дни XX
съезда, породившие большие надежды,
эйфорию даже — «оттепель», весны, ве-
ры в то, что со сталинизмом поконче-
но. И я считал своим долгом не только
составлять в партии, но и бороться
за то, чтобы партия снова обрела ле-
нинский облик. Я, конечно, тогда не от-
давал себе отчет в том, что той партии,
в которую я поступал, уже нет, что она
уничтожена. А та, в которой я восста-
новился, — сталинская партия.

— А в какой мере, вы считаете, пар-
тия удалось освободиться от сталин-
ского наследия на сегодняшний день?

— Во всяком случае, в недостаточной.
В том и дело, что одна из основных
задач, поставленных в апреле 85-го,
окончательное превращение сталинской
партии в ленинскую. Без этого ничего
не будет.

— А вы верите, что такое возмож-
но, если не будут меняться политиче-
ские структуры общества?

— Я пророком быть не могу и не хо-

чу, но в этом смысле я человек верую-
щий: верю в поступательность нашего
прогресса. Но если партия останется
прежней, никакой перестройки не бу-
дет — судьба перестройки напрямую
связана с разрушением созданных Ста-
линым политических структур, моноли-
та единомыслия, подчинения государ-
ственной машине, всех и вся. Только
так может быть создано общество, к
которому мы стремимся.

— Лев Эммануилович, вы москвич, и
поэтому все, что связано с именем
Б. Н. Ельцина, кажется вам непосред-
ственно. Ведь Ельцин — народный депу-
тат от Москвы.

— Да, за Ельцина голосовал и я. И
если бы выборы повторились сейчас,
то поступил бы так же. Такие люди, как
Борис Николаевич, обществу просто не
обходимы, они — противовес не же-
лающему ничему учиться аппарату. Но
если бы меня спросили, хочу ли я, что-
бы Ельцин стал главой государства, я
бы однозначно ответил: нет. На таком
посту необходим политик более тонкий.

Ну а что касается реакции прессы и
телевидения на поездку Б. Н. Ельцина
в США, то ни меня, ни, я уверен, боль-
шинство москвичей эти тенденциозно
подобраные материалы ни в чем не
убедили. Из многих видеозаписей
выступлений Ельцина в США была вы-
брана та, где он ведет себя развязно.
Но не развязней же, чем Хрущев, сту-
чавший ботинком по трибуне ООН! Так
что здесь речь скорее о некой тради-
ции. Она, конечно, не относится к
числу тех, которые нужно ревностно ох-
ранять.

— Вам не кажется, что история с
регистрацией общества «Мемориал»
служит своеобразным индикатором по-
ложения дел? Общество существует
уже год, но до сих пор официально не
признано.

— Совершенно верно. Я член обще-
ственного совета «Мемориала» и недав-

ность — и перед погибшими, и перед
уцелевшими. Ответственность — поли-
тически, морально, материально...

— Ну да, конечно, те два ошала, ко-
торые выдавали реабилитированным и,
кажется, родственникам погибших (да-
леко, кстати, не все!), никак нельзя счи-
тать признаком осознания этой ответ-
ственности.

— Да и материальным — вопрос ни-
как не исчерпывается. Как можно ма-
териально вознаградить человека за от-
нятую у него жизнь?

Речь идет и о наказании преступни-
ков. Наказании одним путем: правди-
вым, полным, публичным рассказом об
их преступлениях. Я противник судов
над палачами, многие из которых до
сих пор процветают и живут в куда луч-
ших условиях, чем освободившиеся, чем
семьи погибших. Они до сих пор полу-
чают персональные пенсии, живут в от-
нятых квартирах, едят из награбленной
посуды.

— Лев Эммануилович, но наказание
ли это для них? Может ли быть нака-
занием для палача и стукача — слово,
пусть это даже слово правды? Нам ста-
ло известно имя Хвата — следователя
по делу академика Вавилова, он много
лет после ухода из органов был даже
секретарем парткома одного из ми-
нистерств. Вы думаете, для него что-то
изменилось после этого?

— Не знаю. Но не думаю, что он так
же процветает, и даже если он полу-
чает спецпакет, то вряд ли он проска-
кивает ему в горло с той же легкостью,
что и раньше.

Возвращаясь к вопросу об ответст-
венности государства, скажу, что не
только о моральных аспектах проблемы
речь. Речь и об устранении элементар-
ной несправедливости. Есть, к примеру,
Указ Верховного Совета о льготах для
работавших в тылу во время Великой
Отечественной войны. Условием для
получения льгот является наличие ме-

Лев РАЗГОН:

«ЭТО ПИСАЛ СВОБОДНЫЙ ЧЕЛОВЕК»

но присутствовал на конференции на-
шей организации. Там были представи-
тели 86 городов, но все описывали вро-
де бы одну и ту же ситуацию: отказы-
вое сопротивление «Мемориалу» со
стороны местных властей. И это неуди-
вительно. Ведь «Мемориал» — общество
не только благотворительное, но толь-
ко просветительное, оно еще и поли-
тическое, оно — правозащитное. Само
его название — «открыть, окрасить, ос-
мыслить «белые пятна» — находится в
противоречии с интересами могущес-
твенного слоя, КГБ, например, до сих
пор никак не обнародует известные
только ему точные цифры — аресто-
ванных, высланных, расстрелянных.

Кроме того, как от этой констатации
ни уходи, но наше государство все-таки
является правопреемником сталинско-
го государства. Ведь людей приговари-
вали к расстрелу именем Союза Совет-
ских Социалистических Республик. И до
сих пор еще государство ничего не сде-
лало для того, чтобы нести ответствен-

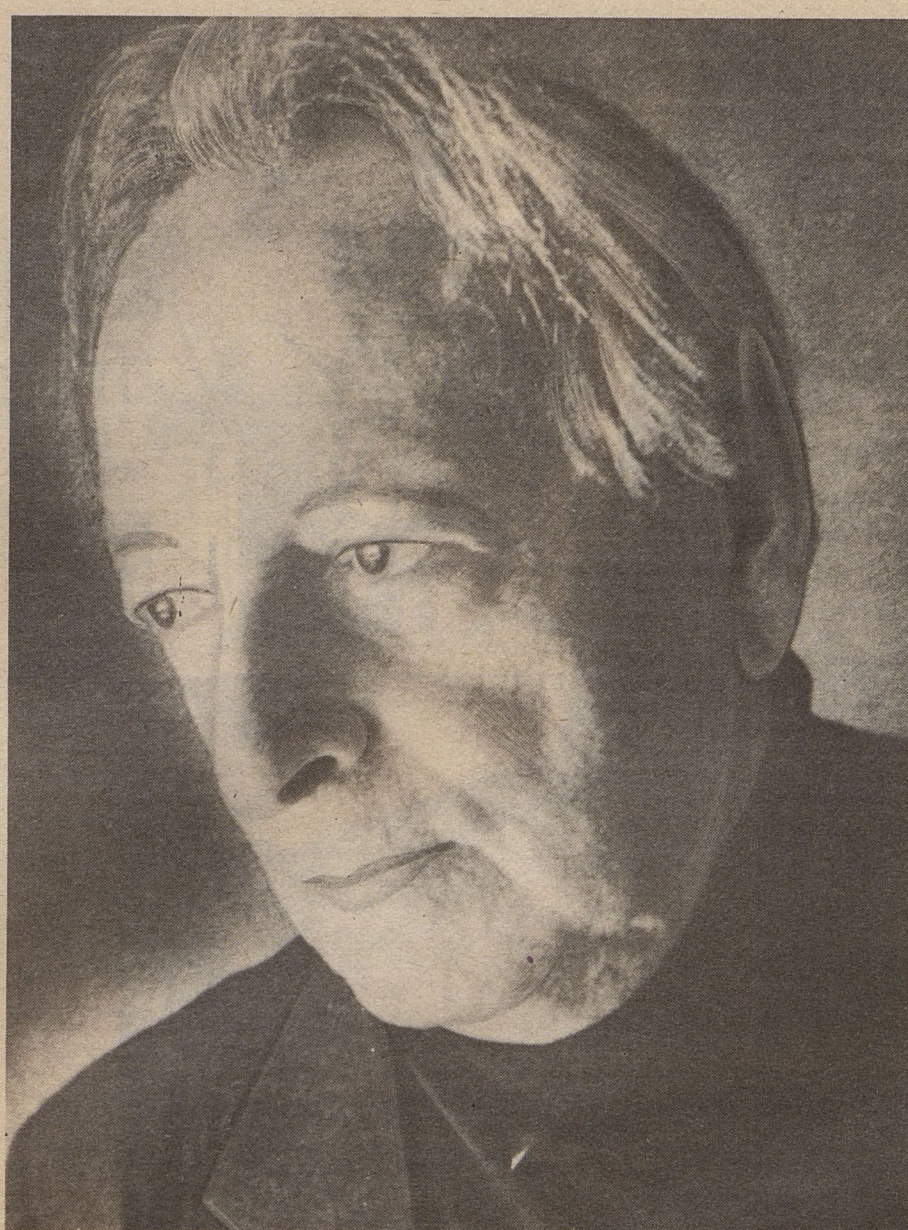
ности — и перед погибшими, и перед
уцелевшими. Ответственность — поли-
тически, морально, материально...

— А как вы думаете, что наш опыт,
печальный опыт нашего строительства
даст всему остальному миру?

— Наш опыт дал миру... опыт — ог-
ромный и негативный.

— Разве опыт может быть негатив-
ным? Ведь в науке так не бывает.

— Я же не говорю, что он бесполез-
ен. В науке, конечно, негативных ре-
зультатов нет. Но ведь речь не о
науке, а о людях, о миллионах людей.
Этот опыт будет огромной и невоспо-
нимой ценой, за него расплачивался
наш народ.

— И сам плодами этого опыта пока,
увы, не воспользовался...

— Когда-то у старика Августа Бебе-
ля спросили: можно ли построить со-
циализм в одной отдельно взятой стра-
не? (Вы помните, это был главный во-
прос Сталина). Бебеля ответил: «По-
строить можно. Но жить в этой стране
будет невозможно». Мы на этот счет
заблуждались. И я — тоже. Так вот, за
освобождение от этих заблуждений мы
заплатили огромную, непомерную цену.

— Сейчас у нас много говорят о не-
обходимости гуманизировать места за-
ключения, улучшить условия содержа-
ния, «очеловечить» там моральный кли-
мат. Но многие же возражают этому:
преступность, мол, растет, а вы для них
курорт собираетесь устраивать. Вы
знаете о мире по ту сторону колючей
проволоки не понаслышке. И потому —
ваше мнение по этому вопросу?

— Я считаю, что нынешнее нрав-
ственное состояние нашего общества в
большой мере вызвано тем, что мил-

лионы людей — в качестве ли над-
смотрщиков, заключенных — прошли
через лагеря, которые были школой
безразличности, жестокости и пол-
ной аморальности. Такими были рань-
ше лагеря, и я думаю, что они не силь-
но с тех пор изменились. Это главная,
на мой взгляд, причина того, что на-
ше общество — самое антигуманное из
всех, существующих в цивилизованных
странах. Антигуманное, лишненное эле-
ментарной человечности и доброты.

Неудивительно, что попавший один
раз в тюрьму уже никогда нормаль-
ным, общественно здоровым человеком
не становится. Это потому, что он пе-
рестает там себя чувствовать чело-
веком.

В царской России любой преступник,
совершивший преступление и наказан-
ный за это, не то что не вызывал ожес-
тотения, он вызывал жалость. Было
принято арестовать хоть что-нибудь по-
дать: кусок хлеба, яблоко... Ведь это
естественно — подать милостыню, как

бы там ни было, — несчастливому че-
ловеку! У нас это преследовалось и
преследуется до сих пор. Человек, по-
павший в тюрьму, чувствует себя
отличенным от таких понятных,
как жалость, милосердие (а это все же
не то же самое, что всепрощение).
Ожесточение вырастает в нем есте-
ственно.

— Кто же от этого выигрывает? Чело-
век? Общество? Нет, все проигрывает.
— Речь идет опять о реабилитации,
на сей раз понятия — милосердия. Оно
вплотную примыкает к религии. Надо
полагать, что число людей, возвращаю-
щихся в ее лоно, будет в эти годы рас-
ти. Как вы думаете, уживутся в нашем
обществе господствующая идеология
и возрождающиеся религиозные чув-
ства граждан?

— Я полагаю, что общественная
жизнь должна быть деидеологизиро-
вана. Так же, как экономика. Между про-
чим, я — атеист и не понимаю, почему
обязательно должен считаться безнрав-
ственным, и наоборот — верующий че-
ловек — нравственным. Реальная жизнь
часто опровергает и то, и другое. Иное
дело, что нужно всячески поощрять
человека, который верит в неизбеж-
ность нравственных законов. Среди
верующих таких людей много. И это
следует опасаться нерешительности и
половинчатости при проведении ре-
форм. Те законы, которые сейчас об-
суждаются и принимаются Верховным
Советом, должны быть решительными.

— Вы член партии, вот уже почти
60 лет. О том, какими вы представляли
цели партии, вы уже рассказывали. Каки-
ми видите эти цели сейчас?

— Если партия действительно хочет
довести перестройку до конца, она
должна начать в первую очередь с
себя, сама перестроиться. И это, на мой
взгляд, главная задача, стоящая перед
XXVIII съездом КПСС. Потому, что в
своем нынешнем виде она общество
за собой вести не может. В ней долж-
ны быть созданы те самые механиз-
мы, которые и наше общество превра-
тят в демократическое, гуманизиро-
ванное. И если партия хочет быть руко-
водящей силой общества, то она долж-
на добиваться этого не с помощью
соответствующей статьи Конституции, а
убеждая, привлекая, доказывая делом
свою правоту.

— Лев Эммануилович, журналисты
могут быть, лучше всех знают, что
Нина Андреева отнюдь не одинока в
убеждениях. Редакционная почта про-
должает приносить письма людей, ис-
кренне или ради поэмы продолжающих
сплывать «отца народов». Сталинизм —
это болезнь и общества, и человека.
Верите ли вы в то, что ортодоксальных
сталинистов можно лечить?

— Можно. Но стоит ли? Тому, кто
не хочет прозреть, никто не поможет.
Главное: общество — можно и нуж-
но лечить. А люди... Время таких лю-
дей прошло.

— А чье наступило?

— Признаться, последний вопрос я
задал уже мысленно, сам себе, когда
выходил из дома на вечернюю моск-
овскую улицу. Со стены дома напро-
тив — гранул бронзовым Владимир Ви-
соцкий. Здесь он жил, работал, здесь
он и умер в июле 80-го. Были годы,
когда многие из тех, кто искал правду,
слушали только его голос. Высоцкий
был свободный человек. Но рядом с
ним и в прямом, и переносном смысле
были другие свободные люди. В том-то
и дело, что они есть всегда и везде, и
они «зарезаны», и потому их боится и не-
навидит те, чья коррумпированная и не-
справедливая, насильная, захватниче-
ская власть: запретить, выселить, затрав-
лять, окружить страну железным за-
навесом. Но что, что могут они сде-
лать с самой идеей свободы?

Наступило время свободных людей?

ство, как империю, а всякая империя
приходит в упадок, это исторически не-
избежно. Весь вопрос в том, как бу-
дет происходить этот процесс. Ведь
можно при этом удовлетворить самые
разные интересы, может это кончиться
и драматически. Нужно найти такую
политику, чтобы в новой свободной
федерации стоял вопрос не о выходе,
а о подлинно добровольном вхожде-
нии в нее. И обмануть здесь уже ни-
кого не удастся. Потому что в этом
заинтересованы все, кроме опять же —
бюрократов, к какому бы этносу они
не принадлежали. Ведь сталинская им-
перия уникальна, единственна в своем
роде. Все другие империи были осно-
ваны на выкачивании ресурсов окраин,
на благо метрополии. А в сталинской?
Что получила Россия, по традиции счи-
тавшаяся ее фундаментом?

— Разоренные села, разрушенные па-
мятники, вечные обещания, «продук-
тов» электрички в Москву... Лев Эм-
мануилович, достаточно «высоко» раз-
даются сейчас голоса, что более всего
нам угрожает опасность слева, а вы
что об этом думаете?

— Речь идет, видимо, о радикали-
зме? Я полагаю, что больше всего нам
следует опасаться нерешительности и
половинчатости при проведении ре-
форм. Те законы, которые сейчас об-
суждаются и принимаются Верховным
Советом, должны быть решительными.

— Вы член партии, вот уже почти
60 лет. О том, какими вы представляли
цели партии, вы уже рассказывали. Каки-
ми видите эти цели сейчас?

— Если партия действительно хочет
довести перестройку до конца, она
должна начать в первую очередь с
себя, сама перестроиться. И это, на мой
взгляд, главная задача, стоящая перед
XXVIII съездом КПСС. Потому, что в
своем нынешнем виде она общество
за собой вести не может. В ней долж-
ны быть созданы те самые механиз-
мы, которые и наше общество превра-
тят в демократическое, гуманизиро-
ванное. И если партия хочет быть руко-
водящей силой общества, то она долж-
на добиваться этого не с помощью
соответствующей статьи Конституции, а
убеждая, привлекая, доказывая делом
свою правоту.

— Лев Эммануилович, журналисты
могут быть, лучше всех знают, что
Нина Андреева отнюдь не одинока в
убеждениях. Редакционная почта про-
должает приносить письма людей, ис-
кренне или ради поэмы продолжающих
сплывать «отца народов». Сталинизм —
это болезнь и общества, и человека.
Верите ли вы в то, что ортодоксальных
сталинистов можно лечить?

— Можно. Но стоит ли? Тому, кто
не хочет прозреть, никто не поможет.
Главное: общество — можно и нуж-
но лечить. А люди... Время таких лю-
дей прошло.

— А чье наступило?

— Признаться, последний вопрос я
задал уже мысленно, сам себе, когда
выходил из дома на вечернюю моск-
овскую улицу. Со стены дома напро-
тив — гранул бронзовым Владимир Ви-
соцкий. Здесь он жил, работал, здесь
он и умер в июле 80-го. Были годы,
когда многие из тех, кто искал правду,
слушали только его голос. Высоцкий
был свободный человек. Но рядом с
ним и в прямом, и переносном смысле
были другие свободные люди. В том-то
и дело, что они есть всегда и везде, и
они «зарезаны», и потому их боится и не-
навидит те, чья коррумпированная и не-
справедливая, насильная, захватниче-
ская власть: запретить, выселить, затрав-
лять, окружить страну железным за-
навесом. Но что, что могут они сде-
лать с самой идеей свободы?

Наступило время свободных людей?

— Признаться, последний вопрос я
задал уже мысленно, сам себе, когда
выходил из дома на вечернюю моск-
овскую улицу. Со стены дома напро-
тив — гранул бронзовым Владимир Ви-
соцкий. Здесь он жил, работал, здесь
он и умер в июле 80-го. Были годы,
когда многие из тех, кто искал правду,
слушали только его голос. Высоцкий
был свободный человек. Но рядом с
ним и в прямом, и переносном смысле
были другие свободные люди. В том-то
и дело, что они есть всегда и везде, и
они «зарезаны», и потому их боится и не-
навидит те, чья коррумпированная и не-
справедливая, насильная, захватниче-
ская власть: запретить, выселить, затрав-
лять, окружить страну железным за-
навесом. Но что, что могут они сде-
лать с самой идеей свободы?

Наступило время свободных людей?

— Признаться, последний вопрос я
задал уже мысленно, сам себе, когда
выходил из дома на вечернюю моск-
овскую улицу. Со стены дома напро-
тив — гранул бронзовым Владимир Ви-
соцкий. Здесь он жил, работал, здесь
он и умер в июле 80-го. Были годы,
когда многие из тех, кто искал правду,
слушали только его голос. Высоцкий
был свободный человек. Но рядом с
ним и в прямом, и переносном смысле
были другие свободные люди. В том-то
и дело, что они есть всегда и везде, и
они «зарезаны», и потому их боится и не-
навидит те, чья коррумпированная и не-
справедливая, насильная, захватниче-
ская власть: запретить, выселить, затрав-
лять, окружить страну железным за-
навесом. Но что, что могут они сде-
лать с самой идеей свободы?

Наступило время свободных людей?

— Признаться, последний вопрос я
задал уже мысленно, сам себе, когда
выходил из дома на вечернюю моск-
овскую улицу. Со стены дома напро-
тив — гранул бронзовым Владимир Ви-
соцкий. Здесь он жил, работал, здесь
он и умер в июле 80-го. Были годы,
когда многие из тех, кто искал правду,
слушали только его голос. Высоцкий
был свободный человек. Но рядом с
ним и в прямом, и переносном смысле
были другие свободные люди. В том-то
и дело, что они есть всегда и везде, и
они «зарезаны», и потому их боится и не-
навидит те, чья коррумпированная и не-
справедливая, насильная, захватниче-
ская власть: запретить, выселить, затрав-
лять, окружить страну железным за-
навесом. Но что, что могут они сде-
лать с самой идеей свободы?

Наступило время свободных людей?

— Признаться, последний вопрос я
задал уже мысленно, сам себе, когда
выходил из дома на вечернюю моск-
овскую улицу. Со стены дома напро-
тив — гранул бронзовым Владимир Ви-
соцкий. Здесь он жил, работал, здесь
он и умер в июле 80-го. Были годы,
когда многие из тех, кто искал правду,
слушали только его голос. Высоцкий
был свободный человек. Но рядом с
ним и в прямом, и переносном смысле
были другие свободные люди. В том-то
и дело, что они есть всегда и везде, и
они «зарезаны», и потому их боится и не-
навидит те, чья коррумпированная и не-
справедливая, насильная, захватниче-
ская власть: запретить, выселить, затрав-
лять, окружить страну железным за-
навесом. Но что, что могут они сде-
лать с самой идеей свободы?

Наступило время свободных людей?

— Признаться, последний вопрос я
задал уже мысленно, сам себе, когда
выходил из дома на вечернюю моск-
овскую улицу. Со стены дома напро-
тив — гранул бронзовым Владимир Ви-
соцкий. Здесь он жил, работал, здесь
он и умер в июле 80-го. Были годы,
когда многие из тех, кто искал правду,
слушали только его голос. Высоцкий
был свободный человек. Но рядом с
ним и в прямом, и переносном смысле
были другие свободные люди. В том-то
и дело, что они есть всегда и везде, и
они «зарезаны», и потому их боится и не-
навидит те, чья коррумпированная и не-
справедливая, насильная, захватниче-
ская власть: запретить, выселить, затрав-
лять, окружить страну железным за-
навесом. Но что, что могут они сде-
лать с самой идеей свободы?

Наступило время свободных людей?

— Признаться, последний вопрос я
задал уже мысленно, сам себе, когда
выходил из дома на вечернюю моск-
овскую улицу. Со стены дома напро-
тив — гранул бронзовым Владимир Ви-
соцкий. Здесь он жил, работал, здесь
он и умер в июле 80-го. Были годы,
когда многие из тех, кто искал правду,
слушали только его голос. Высоцкий
был свободный человек. Но рядом с
ним и в прямом, и переносном смысле
были другие свободные люди. В том-то
и дело, что они есть всегда и везде, и
они «зарезаны», и потому их боится и не-
навидит те, чья коррумпированная и не-
справедливая, насильная, захватниче-
ская власть: запретить, выселить, затрав-
лять, окружить страну железным за-
навесом. Но что, что могут они сде-
лать с самой идеей свободы?

Наступило время свободных людей?

— Признаться, последний вопрос я
задал уже мысленно, сам себе, когда
выходил из дома на вечернюю моск-
овскую улицу. Со стены дома напро-
тив — гранул бронзовым Владимир Ви-
соцкий. Здесь он жил, работал, здесь
он и умер в июле 80-го. Были годы,
когда многие из тех, кто искал правду,
слушали только его голос. Высоцкий
был свободный человек. Но рядом с
ним и в прямом, и переносном смысле
были другие свободные люди. В том-то
и дело, что они есть всегда и везде, и
они «зарезаны», и потому их боится и не-
навидит те, чья коррумпированная и не-
справедливая, насильная, захватниче-
ская власть: запретить, выселить, затрав-
лять, окружить страну железным за-
навесом. Но что, что могут они сде-
лать с самой идеей свободы?

Наступило время свободных людей?